

Минута молчания,

история появления ритуала.

Торжественно-траурная передача "Минута молчания" проходит всякий май с 1965 года и транслируется по радио и телевидению как дань уважения подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, дань памяти погибших на фронтах и в тылу.

Воспоминания Ирины Дмитриевны Казаковой о том, как появилась Минута молчания:

— А было всё так. В феврале 1965 года меня вызвал Главный редактор редакции информации Центрального телевидения Николай Семёнович Бирюков и, сославшись на поручение коллегии Комитета, сказал: «Подумайте, чем ознаменовать 20-летие Победы». И я пошла бродить по коридорам Шаболовского телецентра. Я принадлежу к типу журналистов, которым светлые идеи приходят во время хождения по длинным коридорам. Новый кадровик, который часто видел меня в коридоре, предложил уволить за «безделие». Но идея пришла именно в момент такого безделия. Я села и быстро написала сценарий будущей передачи-ритуала «Минута молчания».

Николай Семёнович одобрил идею и прямо в рукописном варианте понёс сценарий Председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Николаю Николаевичу Месяцеву.

Буквально через несколько дней меня вызвал Н.Н.Месяцев и начался долгий, мучительно захватывающий процесс создания «Минуты молчания».

Мы со Светланой Володиной, редактором будущей передачи, запершись дома, писали текст телевизионного варианта передачи. Аркадий Ревенко, комментатор радио, трудился над текстом радиоварианта. Тогда ещё никому в голову не пришло, что передача-ритуал должна быть единой и на радио, и на телевидении. Нужно сказать, что в этой передаче всё накапливалось по капельке, по золотой крупиночке.

Когда первые наброски текстов были готовы, Николай Месяцев объявил нам, что отныне каждый рабочий день для создателей «Минуты молчания» будет начинаться в его кабинете. Ровно месяц изо дня в день в 9 утра мы были в кабинете Председателя Комитета. Николай Николаевич, как он любил говорить, сам брал ручку в ручку и писал текст, который рождался по слову, по запятой. Это была действительно «в грамм — добыча, в тонны руды».

Часто в работе принимали участие члены коллегии Комитета. Хорошо помню за столом Энвера Назимовича Мамедова, Алексея Архиповича Рапохина, Георгия Александровича Иванова.

Передача рождалась мучительно. Степени ответственности и нашей внутренней приподнятости были столь велики, что мы в дни работы ни о чём другом не думали, ничем другим не занимались. На радио готовилась фонограмма музыкального оформления ритуала. Режиссёром радиопередачи стала, конечно же, Екатерина Тарханова, женщина редкостной человеческой красоты. Она, как эллинская богиня, если к чему-либо прикасалась, это сразу становилось значительным, талантливым, озарённым недюжинными способностями прекрасной женщины.

Встала задача: что делать с самой минутой молчания в эфире? На телевидении будет какое-то изображение. А на радио? Целая минута тишины в радиоэфире — дыра. Екатерина Тарханова с её масштабом мышления и тонкостью воображения придумала в минуту молчания в эфире вплести перезвон Кремлевских колоколов, которые сохранились в запасниках Большого театра. И не просто перезвон, а вызвоненную на колоколах мелодию траурного марша «Вы жертвою пали». Партитура этого марша в исполнении на колоколах тоже была разыскана. Фонограмма складывалась как торжественная литургия.

Ждали текста. А он не писался. Выковывался. Страничка с небольшим литого слова. Это должна была быть молитва.

Наконец поставили точку и поняли: ни вставить, ни убрать из текста больше ничего нельзя.

Екатерина Тарханова, прочитав текст, долго сидела, опустив голову. Кому дать прочесть молитву? Дикторам, чей голос знаком каждому? Актрисе? Самая большая опасность сделать молитву театрализованной. Катя вышла в коридор и встретила Веру Енютину, диктора радио, чаще всего читавшую рекламу, которую у нас мало кто слушал. «Вера, — спросила Екатерина Тарханова, — ты можешь молиться?». «Не знаю, — ответила Енютина, — давай попробую». Они быстро зашли в студию. Вера склонилась над текстом и очень скоро дала знак, что готова. Записали первый дубль, второй, третий. Но лучше самой первой записи ничего уже не получилось. Его и стали накладывать на готовую фонограмму.

Голос Юрия Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» — Тревожно торжественные звуки метронома приковывали внимание. — «Слушайте Москву!» Из-под чеканки метронома выплывали тихие звуки «Грёз» Шумана.

«Товарищи! — сказала Енютина так, что сердце упало. — Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей. Нет семьи, которую не опалило бы военное горе...» Звучала молитва, и если человек шёл, он останавливался, замирал и не мог оторваться от голоса молящейся. Мы сидели в аппаратной студии «Б» на Шаболовке: Светлана Володина, Николай Николаевич Месяцев и я. Ещё не отзвучали последние аккорды передачи, как я услышала рядом с собой рыдания. Закрыв лицо платком, не стесняясь нас, плакал Николай Николаевич. Впервые в жизни я видела, чтобы зарыдал мужчина. И мы не скрывали своих заплаканных лиц.

Это были святые слёзы.

Мы поняли: радиовариант «Минуты молчания» готов. Лучшего нам не сделать. И, конечно, передача должна быть единой на радио и на телевидении. Теперь начиналось не менее трудное — сделать вариант телевизионный. Найти единственно верное и точное изображение под молитву. Что должно быть на экране в такой момент? Предстояла тьма не только творческой, но и технической работы. Редактор Светлана Володина, режиссёр телевизионного варианта Наталья Левицкая, помощники режиссёра не выходили из кинопроекторной. Искали изображение, отбирая документальные кинокадры войны. Решили дать самые сильные, самые трагические кадры, запечатлённые фронтовыми кинооператорами. Горы плёнок. Снова «в грамм — добыча, в тонны руды».

Наконец смонтировали 17 с половиной минут изображения — именно столько звучал радиоритуал «Минута молчания».

Стали соединять плёнку и фонограмму. Ничего не получалось. Кинокадры шли отдельно. Молитва отдельно.

Наталье Левицкой пришла в голову идея пригласить актрису, по образу похожую на известный во время войны плакат «Родина-мать зовёт». Пригласили актрису, одели во всё чёрное. Она стала читать текст, и это был театр. Время шло, экран был пуст, придумать ничего не удавалось. Вдруг в один из вечеров наших мук, когда Николай Николаевич Месяцев был на телестудии и мы обсуждали очередной вариант, он тихо сказал: «На экране должен быть только огонь, живой бьющийся огонь». Мы ахнули. Предложение было гениальным.

Все наши помыслы были уже об огне. Какой огонь? Вечно огня в Москве тогда не было. Где должен гореть этот огонь? Снимать ли его на плёнку или это должен быть живой огонь в кадре? И тут посыпались предложения — одно смелее другого. Огонь решено было зажечь в студии. За работу взялись газовики, пожарные, декораторы, рабочие сцены. К чёрту полетели все правила противопожарной безопасности. Разрешали всё — все службы телевидения. Стоило сказать: «Это для „Минуты молчания“», как откликнулся каждый.

В главной студии телевидения на Шаболовке — студии «Б» соорудили высокую стену. На экране она выглядела сложенной из массивных плит гранита. На стене выбили надпись — ПАМЯТИ ПАВШИХ. Около стены поставили гипсовую чашу, которая также смотрелась сделанной из гранита. К чаше подвели газовую горелку и зажгли огонь. Начались бесконечные репетиции. Бьющийся во весь экран огонь производил неизгладимое впечатление. Работники телевидения, проходя мимо экрана, останавливались и заворожено смотрели на живое пламя. Мы понимали, что точнее изображения не придумаешь, потому что огонь сосредотачивает на себе все мысли, полностью концентрируя внимание. Молитва и музыка сливались с огнём в волнуемое до глубины души триединство.

Режиссёр Наталья Левицкая на всякий случай сняла огонь на киноплёнку,

сделав кольцо из повторяющихся кадров. Она как в воду смотрела...

Близилось 9 мая 1965 года. Степень нашего волнения подходила к предельному градусу. Передача была объявлена на 18 часов 50 минут.

9 мая все приехали на студию задолго до начала. Режиссёр проверяла и проверяла готовность. Такая ответственная передача шла в прямой эфир. К назначенному времени в студии собрались руководство телевидения и члены коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению. У пульта были режиссёр, ассистент режиссёра, Николай Николаевич Месяцев, редактор передачи и я как представитель авторского коллектива.

Наконец зазвучали позывные. Сердце билось где-то у горла. Ассистент по команде режиссёра нажала кнопку, и раздался голос Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» В кадре появилась гранитная стена и крупно слова — ПАМЯТИ ПАВШИХ. С первых же звуков «Грёз» Шумана в кадре во весь экран запылал огонь. Величественный и негасимый, он бился, как сердце, как сама жизнь. «Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, к памяти вашей...» Все замерли.

Мы не чувствовали времени, оно нам казалось вечностью. Шла молитва памяти павших в Великой Отечественной войне. И вдруг раздался истерический крик режиссера: «Кольцо!». Мгновенно заработала кинопроекторная камера. Случилось то, чего мы все больше всего боялись — огонь в чаше стал угасать. В долю секунды режиссёр заметила это и успела дать команду включить киноленту. В кадре уже бился киноогонь. А в студии к чаше с огнём по-пластунски полз помощник режиссёра, чтобы исправить случившуюся неполадку. Мы все вытянулись в сторону окна, отделяющего пульт от студии. «Спокойно, товарищи!» — сказал Месяцев. Огонь в чаше набирал силу. И вот снова включена студия. Молитва подходила к концу. Раздался голос Юрия Левитана: «Минута молчания». На пульте все окаменели. Из какой-то далёкой глубины зазвучали колокола: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И снова мёртвая тишина. Только мощные фортепианные аккорды остановили эту торжественно-траурную минуту. Дальше зазвучала музыка Чайковского, Баха, Рахманинова, а мы всё не отрывались от огня, каждый, уже думая о своём, о своих погибших, о страшных пережитых годах и о Дне Победы двадцать лет назад.

Передача закончилась. Все молчали. Сидели, опустив головы. Не было сил встать. «Спасибо, товарищи, спасибо!» — прервал молчание Николай Николаевич Месяцев. Стали потихоньку расходиться.

Всё началось наутро. Первым на студии я встретила одного из телевизионных инженеров, Героя Советского Союза. Он подошёл ко мне, взял мою руку и сказал: «Вы не знаете, что вы вчера сделали. Наш танковый корпус праздновал День Победы в гостинице „Советская“. Собрались в 16 часов, вспомнили товарищей, выпили, хорошо поужинали. И вдруг на весь зал — позывные колокольчики. Танкисты встали. И 17 с половиной минут стояли, не шелохнувшись. Эти

закалённые боями люди, не знавшие слёз, плакали. От нашего танкового корпуса великое вам спасибо».

Оказывается, в тот час во многих театрах Москвы были прерваны спектакли. По стране у уличных репродукторов стояли толпы.

Останавливались автобусы и троллейбусы. Люди выходили и присоединялись к слушающим.

Почту понесли пачками. Мы читали взволнованные строки и понимали, что тронули сердца миллионов людей. Воздали должное тем, кого унесла война. Из всех писем, которые пришли на телевидение и радио, я до сего дня храню одно. Это простая жёлтенькая почтовая открытка. На ней размашисто — адрес: Москва, Центральное телевидение, «Минута молчания». А на обороте текст всего в два слова: «Спасибо. Мать». Это была самая высокая награда всем нам, кто сделал эту передачу.

С тех пор прошло много лет. Каждый год 9 мая по радио и телевидению в 18 часов 50 минут звучит ритуал памяти павших — «Минута молчания». За эти годы много ударов пришлось на долю этой передачи.

Вскоре после того, как расправились с Николаем Николаевичем Месяцевым и освободили его от работы в Госкомитете по радиовещанию и телевидению, мне пришлось встать на защиту нашей передачи. Незадолго до 9 мая новый Председатель Комитета Сергей Георгиевич Лапин приехал на Шаболовку принимать «Минуту молчания». Можно было подумать, что народ ещё не вынес своего суждения об этом ритуале или Лапин не видел в эфире «Минуты молчания». Снова студия «Б», снова в её холле собрался весь руководящий состав телевидения. Из представителей авторского коллектива оказалась почему-то я одна. Закончился просмотр, и воцарилась тишина. Все повернулись в мою сторону. Должна сказать, что в ту пору в Москве уже зажгли Вечный огонь. Он был отснят на плёнку, и передача, утратив великий эффект сиюминутности действия, шла в киноварианте. Итак, я осталась один на один с Лапиным. Его почему-то все страшно боялись.

Пауза длилась долго. Наконец Лапин сказал: «Но ведь минуты молчания у вас нет. У вас звучат колокола, какое же здесь молчание?» Я чуть не взревела, взяла себя в руки и четко сказала: «Вы старый радист, вы же понимаете, что минутное молчание в эфире — это дыра. Колокола только усиливают драматизм этой минуты». Снова пауза. «Пожалуй, вы правы, — изрекает Председатель. — А почему так долго звучит музыкальная концовка передачи?» — спрашивает он. — «А потому, что людей надо вывести из состояния печали. 9 мая ведь праздник. Люди, почтив память погибших, остаются наедине со своим сердцем. Музыка, да такая, какая звучит в передаче, помогает им в этом». «Наедине с чем, с чем?» — переспрашивает Лапин. «Со своим сердцем», — резко отвечаю я. «Пожалуй, вы правы, — говорит Лапин. — Ну а вот у вас нет в передаче никакого обращения к нынешней молодёжи, — продолжает Председатель. — В будущем вы посмотрите и добавьте это». Лапин сделал самое страшное, он одобрил передачу, но в умы

руководителей впустил бациллу перекройки «Минуты молчания». И началось...

Первый удар был почти смертельным. Эмигрировала за границу Вера Енютина. Её голос с магнитной пленки исчез мгновенно. Текст молитвы попросили прочитать Юрия Левитана. При всём нашем преклонении перед голосом Юрия Левитана мы понимали, да и он сам понимал, что для молитвы его голос не подходит. Но надо было выполнять указание. Когда умер этот великий диктор, «Минута молчания» перешла к Игорю Кириллову.

Но главное — замахнулись на текст. Попробуйте изменить хоть слово в молитве последних оптинских старцев. Невозможно. С первой же советской молитвой можно было делать все. У нового Главного редактора редакции информации Юрия Летунова чесались руки по поводу «Минуты молчания». Он не мог пережить своей непричастности к чему-либо значительному на телевидении. Он вызвал вездесущих журналистов Галину Шергову и Евгения Сеницына. Началась перекройка текста. Естественно, появился фрагмент, связанный с Малой землёй. Его писала Шергова. В тексте Сеницына мне запомнились колоски пшеницы, которые хранят память о павших. Ритуал приобрел всю ту кондовость, которая так была по сердцу во времена Леонида Ильича Брежнева. Со смертью Брежнева исчез лишь фрагмент с Малой землёй. Всё остальное осталось. Так и читает до сего дня «Минуту молчания» Игорь Кириллов.

Творчество ушло... Самое трогательное было в тот момент, когда открыла только что вышедший в свет первый том Военной энциклопедии. Читаю: «Минута молчания» — радиотелевизионный ритуал памяти павших в Великой Отечественной войне. Авторы: Г.Шергова, Е.Сеницын... И я вспоминаю тех, кто был в строю у этой передачи: фронтовик Н.Месяцев, фронтовик А.Ревенко, фронтовик А.Хазанов, режиссер фронтового театра Екатерина Тарханова, дети войны — Светлана Володина, первые воспоминания которой были связаны с фашистской тюрьмой, куда она попала с матерью, военным хирургом. Наталья Левицкая и десятки людей разных поколений: музыкальные редакторы, ассистенты режиссёра, помощники режиссёра, кино- и телеоператоры, декораторы, художники, рабочие студии — все те, кто пережил и помнил и фронтовые дороги, и голодные дни, и холодные ночи тыла, и совсем молодые, чьё трепетное отношение к памяти павших вошло незримо в нашу передачу. «Минута молчания» — плод вдохновенных усилий большого коллектива работников радио и телевидения. И гордость большого коллектива.

Пока торжествует ложь. Может быть, пришло время вернуть людям первую советскую молитву памяти павших в Великой Отечественной войне? А автором передачи назвать коллектив радио и телевидения?

(по материалам сайта tvmuseum.ru)